

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г. ¹⁾

Глава XXXII.

Рауть, затѣянный губернаторшей, не удался, и вотъ что произошло.

Къ назначенному времени гости собрались; пришла также Лулу, рассказчица арабскихъ сказокъ, явилась и Зера—ханумъ, самая почетная дама гаремнаго общества, какъ бывшая фаворитка султана.

И дѣйствительно, она была великолѣпна: на щекахъ у ней цвѣли розы „безъ шиповъ“, конечно, а бюстъ ея изображалъ собой ходячую витрину драгоценныхъ украшеній. Для апоѳеоза ждали еще баядерокъ.

Евнухи стали разносить на огромныхъ подносахъ кофе, шербеты, фрукты, папирсы, и мы ѣли, пили, курили, забавляясь между дѣломъ перемываніемъ косточекъ нашихъ ближнихъ, тѣмъ болѣе, что это не запрещено Магометомъ для житейскаго обихода.

Какъ вдругъ... толчекъ, затѣмъ другой, и картина веселой пирушки сразу мѣняется: дрожать стѣны, точно въ лихорадкѣ, звенять оконныя рамы, летятъ стаканы и чашки; двигается мебель, качается полъ, срывается люстра...

— Драконъ трясеть землю! Аллахъ! Аллахъ! — несутся вопли; но меня гонитъ паника внизъ, откуда я, не помня себя, бросаюсь къ выходу на улицу.

Тамъ уже водоворотъ людей: все населеніе города бѣжитъ подъ открытое небо, чтобы не быть раздавленнымъ въ своихъ жилищахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

Но вотъ какое-то грандіозное движеніе совершается въ облакахъ: еще нѣсколько моментовъ, и оттуда летитъ ураганъ, наполняя всю атмосферу бѣшеннымъ ревомъ.

Не знаю, что произошло затѣмъ; но я открыла глаза уже въ своей комнатѣ и увидѣла доктора, наблюдавшаго за біеніемъ моего пульса. Словомъ, меня подобрали въ числѣ другихъ жертвъ на аренѣ борьбы грозныхъ стихійныхъ явленій и принесли домой.

Жестокая, тупая боль въ головѣ затемняла мое сознаніе: я вся была во власти кошмаровъ и страшныхъ видѣній, а то, что находилось за этими предѣлами, не доносилось ко мнѣ. Такъ прошелъ сентябрь, и я вычеркнула его изъ книги моей жизни.

Наконецъ, всѣ призраки нервной горячки покинули меня, а на смѣну имъ въ мой организмъ хлынула волна здоровья и могучей радости бытія.

Съ притокомъ новыхъ силъ возвращались мечты и грезы: образъ любимаго существа оживалъ въ томъ же неотразимомъ очарованіи, какъ и прежде; но тутъ же, точно изъ бездны мрака, поднимались со дна души упреки и сомнѣнія:

— Ахъ!—вскрикивала я, просыпаясь отъ глубокаго сна,— онъ уѣхалъ, не сказавъ мнѣ даже „прости“, не поцѣловалъ меня, не повторилъ словъ любви!..

Но въ слѣдующую минуту я сама находила ему оправданіе, лишь бы только удалить отъ него всякую дурную мысль. Такова логика любви, и ничего здѣсь не подѣлаешь!..

Однако, я не извинилась еще передъ моими читателями за длинный перерывъ этихъ воспоминаній, и если кому-нибудь изъ нихъ будетъ интересно узнать причину такой съ моей стороны неисправности, то вотъ она. Въ 1912 году, словомъ за 2—3 мѣсяца до начала балканской войны, я получила однажды изъ Константинополя письмо, которое перевожу здѣсь дословно: „Madame, цѣль настоящаго посланія моя горячая, усердная просьба къ вамъ и надѣюсь, да благословитъ васъ Богъ, что вы не оставите ее безъ вниманія.

„Я турокъ и очень вѣрующій мусульманинъ; но люблю Европу и ея цивилизацію. Отъ времени до времени мнѣ приходится ѣздить въ Одессу по дѣламъ закупки лошадей въ Россіи для нашей арміи. Какъ-то я былъ приглашенъ на вечеръ въ общественный клубъ и познакомился тамъ съ однимъ чрезвычайно образованнымъ русскимъ господиномъ, прекраснымъ лингвистомъ, владѣющимъ также и нашимъ языкомъ.

Мы разговорились на тему о симпатіяхъ и расовыхъ предразсудкахъ народныхъ массъ. За что,—спрашивалъ я его,—русскіе ненавидятъ и презираютъ насъ? За славянъ? Ну, тогда пусть Боснія и Герцеговина скажутъ вамъ правду... Или вы просто не желаете ее знать только потому, что швабы христіане? Я читаю въ переводахъ всѣ отзывы вашей прессы о нашихъ дѣлахъ и правахъ; но, видитъ Богъ, сколько тамъ заблужденій! А между тѣмъ, если бы Россія хотѣла, то пріобрѣла бы въ лицѣ турецкаго народа вѣрнаго себѣ друга, преданнаго ей до послѣдняго дыханія жизни.

„Но она этого не желаетъ и позволяетъ швабамъ ¹⁾ грабить наше имущество.

„Мой собесѣдникъ выслушалъ меня, а затѣмъ потребовалъ изъ клубной бібліотеки какую-то книгу, развернулъ ее передъ собой и перевелъ мнѣ оттуда нѣсколько страницъ на турецкій языкъ и отчасти на французскій. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ: мнѣ казалось, что онъ шутилъ. Но это была правда!.. Мое сердце переполнено глубокимъ и необъятнымъ чувствомъ благодарности за ваше доброе, справедливое и ласковое слово въ пользу оттоманскаго народа. Повторяю мою горячую просьбу и умоляю васъ, разрѣшите мнѣ перевести вашъ дневникъ на турецкій языкъ для того, чтобы каждый мусульманинъ прочелъ драгоценныя строки. Я самъ авторъ, и надѣюсь, что въ моемъ переводѣ вашъ рассказъ не потеряетъ своего колорита. Довѣрьте мнѣ на совѣсть и честь оригиналъ съ его продолженіемъ еще не изданнымъ русскимъ журналомъ, а мѣсяца черезъ два или три не болѣе вы получите его обратно“...

Дальше идутъ комплименты, пожеланія въ турецкомъ стилѣ и т. д.

Мнѣ улыбнулась эта мысль, и послѣ недолгихъ колебаній я отправила въ Константинополь весь мой литературный багажъ...

Отъ времени до времени мой турецкій корреспондентъ уведомлялъ меня о результатахъ нашего общаго съ нимъ дѣла, я отвѣчала ему исправно и такъ продолжалось до объявленія балканской войны.

Затѣмъ начинается уже другая исторія, подробности которой не могутъ входить въ рамки настоящаго разсказа, и мнѣ остается лишь добавить къ этому, что оригиналъ своего дневника я получила изъ Константинополя не въ опредѣленный

¹⁾ Швабами называютъ въ Турціи и германцевъ также; но здѣсь мой корреспондентъ говоритъ о Босніи и Герцеговинѣ.

между нами срокъ, а только недавно, въ концѣ августа текущаго года. Но правда обязываетъ меня удостовѣрить, что мой корреспондентъ здѣсь не при чемъ, и если такъ случилось, то не по его винѣ, а по другимъ болѣе сложнымъ причинамъ, о которыхъ еще не время говорить...

Извиняюсь опять передъ моимъ читателемъ и продолжаю съ того мѣста, гдѣ остановилась.

Итакъ, воля капризной судьбы меня перебросила въ другую колею. Миѣ даже не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ горемъ, и дни моего выздоровленія тянулись въ печальномъ, уныломъ существованіи.

Наконецъ, миѣ разрѣшили выходить изъ комнатъ на свѣжій воздухъ; но прогулки мои были ограничены верхней террасой на крышѣ и балкономъ по южному фасаду дома.

Стоялъ бурный октябрь: надъ Эгейскимъ моремъ проходили караваны тучъ, а изъ нихъ вылетали штормы и воронки смерча, поднимая воду на удивительную высоту.

Въ одинъ изъ такихъ дней наканунѣ большого католическаго праздника моя набожная тетюшка завернулась въ широкій, дождевой плащъ, вооружилась зонтомъ и, сопровождаемая нашимъ кавасомъ, отправилась къ вечернему богослуженію въ общину Доминиканскихъ монаховъ: въ данномъ случаѣ религиозный экстазъ одержалъ верхъ надъ соображеніями о погодѣ...

Дядя также вышелъ куда-то по дѣламъ службы. На рейдъ зашелъ австрійскій „Лойдъ“, и нашъ агентскій баркасъ привезъ оттуда Константинопольскую почту. Я развернула „Stamboul“, органъ Мидхатъ-паши.

Это была самая популярная тогда газета на Востокѣ; но ею зачитывались до одуренія даже въ Европѣ.

Нѣсколько строкъ привлекли къ себѣ мое исключительное вниманіе, и я прочла: „Напрасно генералъ Игнатьевъ морочить людей, симулируя невинность, такъ какъ онъ прекрасно знаетъ, что война между Турціей и Россіей уже стала вопросомъ всего лишь нѣсколькихъ дней“...

— А что, если это правда?!—мелькнула жуткая мысль, и сердце упало,—война!.. Боже мой! Боже мой!— и что-то ледяное охватило меня со всѣхъ сторонъ...

— Теперь ясно, почему его такъ внезапно откомандировали въ армію,—размышляла я,—значить, все кончено, и мы никогда, никогда больше не увидимся?!.. какая жестокая насмѣшка судьбы!.. Но, нѣтъ! войны не будетъ—это просто шумиха, которую поднимаютъ наемные писаки, чтобы запугать Россію... Ахъ

если бы мнѣ повидать Хассапа-Эфенди или Ваферъ-бея: я увѣрена, что Тафти, прежде чѣмъ уѣхать, оставилъ тому или другому письмо для меня; но какъ его получить? кому довѣриться?..

Рѣзкій, отчетливый стукъ въ двери параднаго хода огласилъ тишину дома.

— Барышня! отъ губернатора пришелъ секретарь,—доложила горничная,—что ему сказать?..

Но я уже мчалась къ лѣстницѣ...

— А! mademoiselle!—окликнулъ меня Ваферъ-бей,—поднимаясь наверхъ,—имѣю честь кланяться! Да вы, кажется, совершенно оправились, Машаллахъ! Машаллахъ! и цвѣтете, какъ роза..

— Благодарю васъ! — былъ мой короткій отвѣтъ на его привѣтствія, а дальше не хватило голоса. Но минута замѣшательства прошла, и ко мнѣ вернулась способность владѣть собой.

— Ахъ, извините меня, Ваферъ-бей!—спохватилась я,—войдите, пожалуйста! мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ, а здѣсь это неудобно...

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь и дѣлая шагъ впередъ, чтобы слѣдовать за мной.

Въ коридорѣ прислуга сняла съ его плечъ мокрый плащъ и распахнула передъ нами двери въ пріемную, а затѣмъ удалилась.

— Ваферъ-бей,—вадыхаясь, шевельнула я губами,—Тафти пишетъ вамъ иногда?..

— Ну, можно ли такъ волноваться и такъ ужасно разстраивать себя?!—въ тонѣ дружескаго упрека заговорилъ онъ,—а между тѣмъ онъ шлетъ вамъ горячій привѣтъ любви и увѣдомляетъ черезъ меня о своемъ близкомъ возвращеніи изъ командировки сюда, опять къ намъ въ Хіосъ!

— Въ Хіосъ?! — какъ эхо повторила я, и мнѣ стало вдругъ казаться, что бѣненіе моего сердца наполнило всю комнату адскимъ шумомъ. А тѣмъ временемъ точно издали Ваферъ-бей говорилъ мнѣ:

— Вы опять заболѣете, ваши нервы еще не окрѣпли, надо успокоиться. Не знаю, какъ вы будете жить въ нашей средѣ при такой сложной машинѣ, какъ ваша душа?! Ахъ, эти европейки! Онѣ покоряютъ насъ и дѣлаютъ своими рабами; но малѣйшій толчекъ, и вы умираете!.. Я люблю Тафти, какъ брата, и мнѣ страшно за него! Но что опредѣлено волею неба, тому, значить, и быть!

Я слушала его съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ и не находила словъ, чтобы возразить ему...

Затѣмъ, по ассоціаціи идей моя мысль вернулась къ вопросу о войнѣ.

— Съ кѣмъ Турція будетъ воевать? переспросилъ онъ, точно не довѣряя своимъ ушамъ.

— Съ Россіей!—повторила я,—и даже очень скоро, на этихъ дняхъ, какъ увѣряетъ „Stamboul“.

— А! Stamboul“?—улыбнулся Ваферъ-бей—ну, знаете, я не принадлежу къ сторонникамъ „Молодой Турціи“ и не раздѣляю ихъ бредней—они плохіе мусульмане, цареубійцы, казнокрады, грабители, а потому все, что пишутъ они, мнѣ кажется грубой ложью и фальсификаціей голоса народныхъ массъ...

— Охота же вамъ читать всякую дрянь!—прибавилъ онъ, озлоблясь. Это меня ободрило, а мой собесѣдникъ продолжалъ:

— И такъ, я напишу, чтобы онъ пріѣзжалъ, какъ можно скорѣй—да?...Вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что рѣшаете въ данную минуту?..

— Да!—отвѣтила я съ увѣренностью любви и не узнала своего голоса: вѣроятно, что-то еще другое, но для меня самой неуловимое и непонятное прозвучало въ немъ...

Такъ совершился переломъ въ моей душѣ на границѣ новой жизни, куда влекла меня капризная, своенравная богиня судьбы.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

